

Анатолий Агарков

Крылышко желтого трубача

Мстящий –
всегда судья в собственном
деле, а в этом
случае трудно
не потребовать больше, чем
следует.

(М. де Пюизье)

Анатолий Агарков
Крылышко желтого трубача

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083032

ISBN 9785449049520

Аннотация

Этот рассказ о голубях. Казалось бы, ничего особенного – Лев Кассиль в свое время о них прекрасно и много писал. Однако автор умудрился найти сюжетные ходы, завязывающий благородных птиц в тугой узел с элементами жуткого детектива.

Содержание

1	5
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Крылышко желтого трубача

Анатолий Агарков

*Мстящий – всегда судья в собственном деле
а в этом случае трудно не потребовать больше,
чем следует.
(М. де Пуизье)*

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-4952-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Каждому возрасту, говорят, свои увлечения, но улица вносит поправки.

Прошёл в кинотеатре фильм «Три мушкетёра» – добротный красочный французский фильм с Милен де Монжо в роли миледи, и наши ребята, в неё влюбившись, вооружились самодельными шпагами. Что из этого получилось, я уже повествовал. А получилось то, что пятнадцатилетний Виктор Ческидов проколол мне, дошколёнку, щёку своей ржавой проволокой. А вы говорите – возраст. Любви все возрасты покорны, а увлечениям – тем более.

Вслед за шпагами пришла страсть к рогаткам. Вся улица, от мала до велика, вооружилась незатейливым изобретением необремененного интеллектом ума человеческого и набросилась на воробьёв, скворцов, синичек и прочую пернатую живность, будто злее врага во всей природе не удалось сыскать. Они (воробушки), оправдывались стрелки, вишню клюют – после них только косточки на ветках висят.

Мне было жаль крылатых пернатых, и потому рогатки не делал. А самая лучшая была у Витьки Ческидова – настоящий «оленебой». Исполнением завидным, а главное Чесян вёл на ней зарубками счёт трофеям. Сначала штукам, потом десяткам, потом... Дошёл бы и до сотен. Совсем умолкли бы без птичьего гомона сады наши, только шелест от поедаю-

щих листья гусениц, да Коля Томшин вмешался – отобрал рогатку у чемпиона убийц.

Чесян губы надул:

– На чужое позарился.... От зависти ты это, Петрович....

Томшин говорит:

– Смотри.

Выкопал яму на пограничной меже (огороды по соседству были), положил туда рогатку и стеклом прикрыл. Ческид утром приходит, смотрит, вечером смотрит: лежит его любимица, как экспонат в оружейном музее – не зарится на неё Коля Томшин. И успокоился.

Потом пришла мода на огнестрельное оружие. Пугачи, поджеги, самопалы загрохотали на бугорских улицах – того и гляди, людская прольётся кровь. Мильтоны на «бобике» катаются – вдруг выскочат, окружают и шашь по карманам. Найдут «пушку» – к себе волокут. Так боролись. А нам романтики в кровь добавляли или – как его? – адреналину. Впрочем, и это увлечение прошло мимо моих симпатий.

Отец так и сказал:

– Баловство всё это и хулиганство. Хочешь из настоящего ружья пострелять – на охоту поедем и постреляешь.

Сказал и слово сдержал. Мог ли я своё нарушить? Пообещал, в руки не возьму – и не брал. Курьёзный даже случай приключился с этой принципиальностью – а мог бы стать трагическим. Короче, дело было так. Однажды мой старший друг и наставник Мишка Мамаев объявил:

– Всё, больше в эти штуки не играю. Хочешь, подарю?

«Этими штуками» были два поджега и самопал. Причем, поджег один был выполнен в старинном стиле – ну, с такой массивной ручкой, как у пиратов, которые за поясами их таскали. У Мишки батяня – профессиональный столяр, и друмой с его инструментами давно на «ты». «Пистоль» этот Мишаня вырезал из берёзовой коряги. А потом ствол и прочее «присобачил». Вообще, отменная получилась штука – музейный экспонат.

На его предложение я пожал плечами – как хочешь. Он принёс, подаёт. Я, помня обещание отцу, кивнул:

– Положи на лавку.

Положил Мишка, ушёл – они лежат. Отец увидел, нахмурился:

– Мы, кажется, договорились.

Я, плечами пожав:

– Не моё – Мамайчика.

Мама:

– Вот я их в печке сожгу.

Отец:

– Смотри аккуратнее – они могут быть заряжены.

Маму это остановило. Отца что-то отвлекло. А они лежат на видном месте. Тут Рыжен ко мне прискакал – домашнее задание списать. На него иногда это находило – желание немножко поучиться. После его визита пистолеты пропали. Но я об этом ещё не знал. Вдруг под вечер прибегает мамаша

Рыженкова:

– Ах, Боже-святые! Ваш Толька чуть моего сыночка глазика не лишил.

Этот придурок стащил оставленное без присмотра оружие и стал в стволах ковыряться. Доковырялся – пыжом в лоб, а пламенем начисто брови с ресницами смахнуло. Хорошо, что в стволе пули не было. А я думаю – поделом. И отец так же считал – отправил соседку восвояси:

– Верно говорят – на вору шапка горит.

Была мода на воздушных змеев. И опять Витька Чесян отличился – его бумажный летун, размалёванный под нахальную рожу, забирался под облака и там торчал даже при самом слабом ветре. С ним вообще никаких проблем не было. Лежит Витёк на травке и пальчиком бечевку подёргивает, чтобы хвостатая бестия совсем не уснул в заоблачных высях. Мне такого не сделать. Отец – на все руки мастер – пытался помочь. Но и его детище поднималось в воздух, если только я бежал, натягивая бечеву, во всю прыть навстречу ветру. А то вдруг вильнёт хвостом и носом в землю – тоже мне, пикирующий бомбардировщик. Короче, когда я у Чесяна выменял чемпиона всех воздушных змеев на какую-то ерунду, их полёты были уж не в моде – ни зрителей, ни помощников на поляне. Да и лето кончилось.

А в новом – другие увлечения.

У Калмыкова Борис Борисыча была будка рыбацья для подлёдного лова. Лето она коротала на берегу водохранили-

ща, а с ледоставом использовалась по назначению. Однажды привезли её и поставили в саду, а Толька с Борькой перебрались на лето туда жить. Ну, жить, не жить – ночевали там. И каждый считал за счастье составить им компанию. Тогда и случилось новое поветрие – в садах ли, в огородах все ринулись строить будки и оборудовать их для ночлега. Не в почёте стала ночёвка под крышей дома в кроватях на белых простынях. Куда как лучше – на и под старым трепьём, в цикадном гомоне с комариным припевом. Зато свобода – ни тебе родительского надзора: «Сына, домой!», ни сестриных наездов: «Ноги мыл?».

Я будку не строил – перебирался летом на чердак сарая. А вот друг мой Мишка сколотил в саду – с дверью, печкою, окном. Я там частенько ночевал, потому что вдвоём вдвое веселее. И совсем не скучно стало в наших самодельных домиках, когда провели огородами проводную связь.

Объясню, как это делалось. Наушник обыкновенной телефонной трубки – на одну клемму провод с гвоздём в землю, от другой тянем к абоненту (ох, и завернул!) в соседний огород. Всё, связь готова. Не верите? Вот и физик наш не верил. А когда предложили спор на интерес – пасовал. Плечами пожал:

– Ну, может быть. Разность потенциалов и всё такое. Земля это ведь огромный конденсатор – столько молний в себя принимает и ничуть не краснеет.

Звук, правда, в наушниках от такой связи еле слышный.

Но потом Витька Ческидов догадался подключить их к радио, которое от 220 вольт. Музыка ночами слушаем, голоса всякие вражди, и током нас не било, и наушники низковольтовые не горели. А вот тётё Стюре Грицай досталось – так крепко шандарахнуло, что не сразу и очухалась. А могло убить.

Через наши соседствующие огороды была натянута проволока для сушки белья. Мама постирает – развешает. Соседка Стюра Грицай тоже пользовалась после стирки. А мы с её Вовкой приспособили этот провод для телефонной связи, подключив к общей сети. И вот однажды накидывает тётя Стюра мокрыми руками сырое бельё на проволоку, а босыми ступнями землю попирает. Ну и дербалызнуло её. Да так, что....

Что говорить. Не рады были, что в живых осталась – всем досталось на орехи. Впрочем, пережили. Только провода надёжней прятать стали. А отец злосчастный снял и натянул нормальную бельевую верёвку.

2

Голубями увлеклись пацаны бугорские не без моего участия.

До того, как все буквально заразились к ним любовью, обитала стая на подворье у Жвакиных. Именно, обитала. Потому что голуби были таксебешные – сизари. Потому что хозяйева их совсем не кормили. Летали эти бедолаги по полям, дорогам, перебивались воровством у кур на чужих дворах. И более того, Жваки ели этих вестников мира. «Оторвал башку и в лапшу». – Кокино выражение.

Друг у меня был, одноклассник Сашка Дьяконов – матершинник ужасный. За часто повторяемое: «Соси банан через диван» имел кличку «Банан». Но не суть в этом. Вот он держал голубей – дорогих, породистых. Жил возле общественной бани в конце Октябрьской улицы. Ходить к нему запросто было не просто – мимо Октябрьской не пройдёшь, а там шпана, того и гляди накостыляет. Потому и общались чаще в школе, а на лето расставались. Но в этот раз он меня сам нашёл. Понадобился ему фонарик. Похвастал я ещё в школе, что имею такую штуку. Отец с умыслом приобрёл: и подарок к моему дню рождения – не у всякого, даже взрослого парня, такой – и вещь на охоте крайне необходимая. Он так и напутствовал, вручая:

– Береги, сын, из рук не выпускай.

И говорю Сашке:

– Дать я тебе его не дам, но посветить могу. Чего ты хотел?

Оказывается к стае сизарей, что на чердаке бани обитали, прибился настоящий почтовый голубь. Дьякон мне его показал. Он чуть крупнее собратьев своих, и главное – на клюве во-от такие наросты. Короче, настоящий почтарь. Саня решил им завладеть, но днём ведь его не поймаешь, а в темноте голуби беспомощны. Вот и забрались мы с приятелем на чердак общественной бани. Испачкались, конечно, оцарапались, но нашли-таки приبلуду. Бананчик его в клетку посадил вместе с голубкой. Через недельку, сказал, будут целоваться – а куда им деваться? Небось, Америку не открыл, что голуби целуются?

Когда их Саня на волю выпустил, почтарь только крыльями махнул – бросил суженную и на банной крыше снова воркует сизонькой голубке.

Снова Банан ко мне бежит. Снова шаримся по ночному чердаку. Нашли, схватили.

– Опять улетит, – пророчу я.

– Ну и хорошо, – ликует Банан. – Я его в Троицк свезу и продам. Бизнес буду делать.

Год прошёл, я и забыл об этом случае. А тут как-то Борис Борисыч Калмыков вручил сыновьям тридцать рублей и отправил в Троицк, снасти какие-то прикупить. Чтобы деньги хулиганы городские не отняли, собрали Калмычата толпу пацанов – проезд бесплатный пообещали и мороженое на де-

серт.

В электричке встретил Сашку Дьяконова – вёз на продажу известного почтаря.

– В который раз? – спрашиваю.

– Шестой, – гордо отвечает. – Он меня скоро богачом делает.

Ну, богачом не богачом, а фонарик Банан себе приобрёл. К нам прибился. С нами по магазинам шлялся, а потом на базар всех затянул. Мужик-голубятник сходу десятку за почтаря предлагает. Банан торгуется, тридцатку просит. Мужик и не спорит:

– Согласен – стоит. Да денег сейчас нет. До пенсии ещё пару недель. Пойдём ко мне. Дам десятку и ещё пар пять хороших голубей.

Пошли всей толпой смотреть. Голуби, как на подбор – красивые, породистые, мохноногие, вислокрылые, с малюсенькими клювиками. Мужик объясняет:

– Это мартыны. Эти – жуки. Вон – бабочные. Выбирай – клетка в подарок.

Дьякон качает головой. А Борька Калмыков вдруг загорелся голубями.

– Бери, Банашка, я тебе, сколь денег есть, сейчас отдам за них, а остальные потом, со временем.

Сашка согласился – сделка состоялась. А Барыга, хитрец, на нас сэкономил – мороженое зажилил, да ещё пришлось от контролёров по вагонам бегать на обратном пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.